

Святые руины

Истории

Б.М. СЕРГЕЕВ,
*старший преподаватель кафедры рисунка ФИИ,
член Петровской академии наук и искусств*

В Малой Азии, на территории нынешней Турции, есть место, что в древности называлось Пергам. Когда-то великое царство, возникшее после смерти Александра Македонского в результате развала его империи, ибо перегрызлись полководцы друг с другом, отхватывая каждый свой кусок; кто — Египет, кто — Сирию с Коммагеной, кто — Пергам..., а нынче это небольшой городок с названием Бергама.

Надо мной уходили к небу восемьдесят рядов-ступеней амфитеатра, вырубленного в склоне горы, на которой еще высится сияющая мраморная колоннада храма, посвященного императору Траяну. Я касался рукой теплого от солнца мрамора, пальцы ощущали следы резца мастера, работавшего здесь 2000 лет тому назад, скользили по листьям орнаментов, розеткам, ионикам, и я, скульптор, знающий, как работать в камне, испытывал странное чувство; это была одновременно и зависть, но зависть не черная, а, скорее, смешанная с восторгом, что можно так совершенно сделать такое чудо просто руками, без электродрелей, болгарок, перфораторов; и одновременно недоумение, смешанное с отчаянием, что больше такого никто уже не сделает, не смогут, не захотят и даже при сильном желании не в состоянии будут сделать, не сумеют. Другое время, другие люди. Что же это за цивилизация такая была, что же за народ такой жил здесь, весь прямо-таки пропитанный чувством прекрасного, создавший подобную архитектуру со столь совершенными пропорциями, этой резьбой каменной, скульптурой, мозаиками и живописью? Отнюдь ведь не раем была их жизнь с тогдашними частыми войнами, когда царство на царство, город на город шли убивать, грабить, тащить в рабство уцелевших от бойни жителей, когда от урожая зависело, будет голод или нет и кто выживет при эпидемии. И все же была какая-то невыразимая тяга к прекрасному, строились чудные храмы и алтари, подобные тому, пергамскому, что ныне в Берлинском музее и чье трехступенчатое основание я вижу поодаль, на этом же высоченном холме акрополя Пергама, где стою у развалин храма Диониса, обломок фриза

коего поставлен стоямя у остатков стен святилища и которым я так люблюсь. Весь склон акропольского холма усеян белыми обломками мраморных колонн, серо-коричневых блоков, из которых были некогда сложены здания, стены акрополя, башни, чьи остатки возвышаются надо мной, и я, подымаясь по крутым ступеням театра, останавливаюсь на последней, восьмидесятой по счету, и в восторге смотрю на дивную даль, что открылась. Внизу — турецкий городок Бергама с домиками, сарайчиками, минаретами и римской громадой храма Изиды и Сераписа, с накладывающимися друг на друга силуэтами гор, со святилищем бога Асклепия, что просматривается вдаль, этого медицинского центра античности, где были кабинеты врачей, лечебные ванны; стоит на небольшой площадке уцелевший до сих пор алтарь с обвивающими его мраморными змеями, конечно же, храмы и непреходящий театр. Как же они любили театр, эти тогдашние люди, если между святилищем Асклепия и акрополем глаз видит руины еще одного, но уже круглого, чашей над ручьем построенного, и огромные руины башен, что стоят над хилым ныне потоком, служили этому ручью запором, и подымавшаяся вода позволяла давать морские представления.

ОТ ИЗИДЫ К ИОАННУ БОГОСЛОВУ

Позже мы спустились к этому театру, где археологические раскопки еще не начинались. Чаша театра поросла травой, и его ступени, скрытые землей, еле угадываются. Из небольшого поселка, прилепившегося к краю склона, игравшие дети что-то нам прокричали и занялись вновь своей игрой. Из какой-то щели между заборами вышла девчонка с мусором, опрокинула большую

Акрополь Пергам.

Пергам — театр над ручьем.

Вид от храма Диониса.

Сарды колонны.

пустую жестяную банку из-под оливкового масла, постояв, поглядела, как она, эта банка, словно стыдясь своего плебейского вида и дребезжания среди античных камней, нехотя покатила вниз, куда остановившимися языками мусора отходы жизни указывали на бренность бытия. А на вершине акрополя все так же слепили глаза колонны храма императора Траяна, темнели остатки дворца пергамских царей, казарм их гвардейцев, аккуратной геометрией белели основания колонн храма богини Афины, и везде обломки, обломки мрамора, гранита. Древняя дорога из крепости повела вниз, вдоль остатков зданий, к заброшенному турецкому домику, где среди поваленных колонн на одной из них обнаружили знаки, начертанные еще в раннехристианское время. Свастикообразный крест, образованный наложением друг на друга квадратов, встретится нам позже в росписи одного из скальных храмов в Каппадокии и уж совсем неожиданно этим летом в Пскове, когда местные археологи показали мне результаты недавних раскопок захоронения IX века в центре города. Кроме этого креста было выцарапано на той колонне и изображение каплевидного щита с символикой Богородицы, еще робкое, но свидетельство нового, иного времени. Как и в огромных руинах монументально-римского храма в честь Сераписа и Изиды, чьи двойные мраморные статуи спина к спине лежали и стояли во множестве вокруг, изгнанные из своего

храма, потому что внутри него как бы в яйце возник сооруженный из мрамора старого уже новый храм, посвященный св. Иоанну Богослову, и эти удивительные развалины одного храма в другом красноречивее любой лекции рассказывают о закономерности и трагичности смены античного мира христианским. И Ангелу Пергамской церкви напиши... Да, это сюда, в Пергам, к здешней церкви диктовал послание апостол Иоанн Богослов в «Откровении», которое мы еще знаем как Апокалипсис. И Пергам стал нам известен не только как место происхождения пергамента или знаменитой библиотеки, которая была перевезена позже в Александрию, восполнив место сгоревшей при тамошней смуте, ибо люди, ослепленные политикой, меньше всего думают о будущем. А потом наступил 391 год, библиотека погибла в огне пожара уже окончательно и, как это ни печально, было это дело рук фанатично настроенной части христиан, тем более что слишком свежа была память о бесчеловечных гонениях за их стояние в вере.

ТАК БЫЛО И ТАК БУДЕТ

А была еще знаменитая пергамская школа скульптуры, блестящим доказательством которой является знаменитый Пергамский алтарь, что ныне в Берлине и который в конце XIX века был счастливо спасен от пережигания мраморных изображений на известь, участи, постигшей в свое время огромное количество произведений анти-

чного искусства. Скульптурное чудо, иначе не назовешь этот грандиозный рельеф, где почти объемные мраморные фигуры богов и титанов сражаются друг с другом за обладание миром. Великолепная пластика, владение композицией, огромный труд и мастерство вызывают восхищение и в то же время печаль, что невозможно уже сделать нечто подобное в наше убогое время, ибо никому это не нужно и дорого и вообще — кризис... А кризис то ведь в мозгах да в душах, так как монетизация съела понятия первенства культуры, нравственности, и требуется нашим реформаторам ныне воспитать умеющих лишь считать, оценивать, выбравших пепси эрзац-людей. И все это прикрывается некими реформами, инновациями (как будто нельзя по-русски сказать), удаляя основную задачу — дело просвещения, воспитания учеников, где заложены были бы в них в первую очередь основы нравственные. Только на этом основании возможно возрождения государства, иначе беда, и случится то, что произошло с империей Рима, погубила которую безнравственность сначала правящей верхушки, а далее и всего населения. Затем та же судьба постигла и великую Византию, когда оборзевшая чиновная свора разворовала, растащила и предала народ и государство, обломки коего мы в настоящий момент рассматривали. Землю, которую ее народ не сумел сохранить, Господь отдал другому народу — так было и так будет. Об этом надо помнить

и это понимать, чтобы и с нами такого же не произошло.

ПРАВОСЛАВНЫЙ И КАТОЛИК ПОЖИМАЮТ ДРУГ ДРУГУ РУКИ

Из-за прутьев ограды археологической зоны, отделяющей то, что было некогда Фиатирой, городом, так же известным нам по Откровению ап. Иоанна («И Ангелу Фиатирской церкви напиши...»), меня окликнул молодой турок с гитарой за плечом. Он перешел улицу, приблизившись, поинтересовался, говорю ли я по-немецки и, услышав утвердительный ответ, спросил, христианин ли я? Я сказал, что да, и он в ответ из-за ворота рубашки вынул крестик на шнурке со словами: «Я тоже, я католик, а ты кто?» Я говорю, что православный, и этот молодой турок вдруг протянул сквозь решетку руку, которую я с радостью пожимаю и кричу нашему оператору: «Снимай скорее, исторический момент; православный с католиком, да еще турком, друг другу руки сквозь решетку пожимают!» От души посмеявшись, мы расстаемся, и я возвращаюсь к разглядыванию разложенных на земле мраморных арок колоннады, что была вдоль древней улицы, сожалея, что не учил мы греческого языка, который был когда-то обязательным в гимназиях наряду с латынью. (Ах, как бы эти знания пригодились сейчас!) Замечаю древние кресты на некоторых колоннах и подхожу к расчищенным руинам большой византийской базилики. Там пусто и уютно от голых стен. Поет с минарета имам, созывая правоверных, которые, однако, спешат по своим делам, вприпрыжку идут в синих юбочках и жилетиках школьницы, размахивая, как и у нас, портфелями и в такого же красивого синего цвета форме мальчишки, таратора, гонят мяч, и видишь, что этот параллельный мир никак не соприкасается с тем, бывшим когда-то здесь. И уже в Филадельфии, сменившей свое имя на Алашехир, огромные столбы какой-то римской мощи свидетельствуют о некогда грандиозной церкви, с глядящими на остатках фресковой росписи святыми, что сурово смотрят на уже чужой мир вокруг и, как однажды выразился наш замечательный поэт Тимур Зульфикаров, «золотая стрела-боль» вошла от мысли, что это было, что это теперь только история, но такая нужная и такая все же живая. Она оживляла ушедшее время своими капителями, лежащими прямо под ногами на земле как корзины каменных цветов, на которые где-нибудь у магазинчика ставят горшок с цветами живыми, а то и вовсе мусорное ведро где-нибудь на автозаправке. Мраморные цилиндры, составлявшие некогда колонны и поваленные землетрясениями, словно ломтями нарезанной каменной колбасы раскладывали свои гигантские натюрморты, и лишь ящерицы да черепахи стали жителями Аполлоновых, Зевесовых,

Артемидиных храмов, где между уцелевших, великанского вида колонн пристраивалась маленькая церквушка, куда и капитель-то этих самых колонн только-только могла бы втиснуться. Такую церковь мы видели в Сардах, что были когда-то столицей богатого Лидийского царства, где царствовал некогда царь Крез (помните: «богат как Крез?»). Нас окружал пейзаж удивительно мирный и чем-то неуловимо знакомый по картинам Пуссена или кого-то из романтиков... В окружении холмов и скал высились колонны храма Артемиды с огромными ионическими капителями совершенных пропорций в рост человека. Рядом паслось стадо овец, и пастух, опершись на посох, стоял в той же позе, в которой и тысячу и более лет до него стояли такие же пастухи, но только лишь в другом одеянии. Брякали колокольчики на овечьих шеях, и только эти звуки нарушали торжественную тишину истории тысяч лет, что явились нашим потрясенным глазам. Было вечернее время, вдали акварельно проступали горы, и долина наша, по которой мы ехали, стала наполняться холмами; их становилось все больше, и мы остановились возле одного из них, самого большого. Мы застыли от невероятного зрелища: вся долина была в гробницах лидийских царей. Эти правильной формы, как женские груди, холмы среди зеленых полей на фоне сиренево-синевящих гор, пронизанные золотистым вечерним светом — они были грандиозным действом ушедших тысячелетий. Их было много, они были прекрасны своим идеальным полукругием, своими размерами, и бряканье неподалеку колокольчиков неизменного овечьего стада с его блеянием лишь усиливало это удивительное чувство, что ты видишь вечность. Огромный черный козел, встав на задние ноги, объедал, опершись на оливу, ее ветки. И опять же вечный пастух наблюдал за нами, опершись на палку и скрестив ноги, как и до него другой, в той же позе, смотрел две тысячи с половиной лет назад, как носят землю, чтобы построить рукотворный холм, покрывающий погребенного царя, и куда теперь пытается пробить тоннель Принстонский университет (а как хотелось, чтобы Герценовский). Царственные Сарды. Царственный покой — здесь эти слова были уместны.

ПРИВЕТ ИЗ ВЕЧНОСТИ

Спустя пару дней мы бродили среди не менее романтических руин города Афродисиаса, где с вершины холма, в склон которого был врезан непрременный театр с прекрасно сохранившейся сценой, любовались освещенным вечерним солнцем лесом колонн агоры, мощением плит черного и белого мрамора площади форума перед гимнасием, с задним пирамидальных тополей, впечатляющими руинами терм императора Адриана. Бассейн с какой-то сценой, окруженный дивно тепло освещенной солнцем колоннадой, неуловимо на-

помнил знаменитую виллу Адриана в Тиволи, что под Римом. У подножия холма мы обнаружили только что раскопанный христианский храм, быть может, один из первых четырехстолпных, что позже пойдут по всей Руси. Видны были мощные, из черного мрамора, основания столпов. Из белого когда-то, а теперь посеревшего от времени мрамора алтарная преграда, украшенная красивыми крестами, все еще ограждала вход в апсиду. Рядом были развалины то ли храма античного, то ли дома какого-то, а кругом рассеяны среди камней керамические водостоки в виде дельфинов, черепица, и вот на одной из лежавших вокруг черепиц, некогда покрывавших крышу, я увидел четко отпечатанный след руки мастера, ее изготовившего. С трудно передаваемым ощущением я вложил в этот отпечаток свою руку, и ладонь вошла точно в слепок. Мы поздоровались; древний мастер и я, а, значит, спустя, быть может, тысячи две лет я получил привет от человека, который послал его в вечность своей рукой. Другая же рука нанесла знак креста на пилоне входа в храм, посвященный богине Афродите. Его колонны на мощном основании виднелись издалека. Он был прекрасен, как и должен был быть прекрасен храм, посвященный богине любви, но умерли старые боги и пришло слово истины, и уже лежали внутри него плиты с красивыми крестами от алтарной преграды, мраморная крестообразная купель для крещения, куда спокойно помещался человек, стояла слева от входа внутри среди высоких ионических колонн. Невдалеке возвышался прекрасный портик имперской красоты и величественности под названием Тетрапилон с рельефами совершенной красоты, что под лучами заходящего солнца окрасились в цвет золотистой охры. Мысль, что люди могли создавать такую красоту и жить среди нее и что все это ушло и навсегда — это было непереносимо сознать и она приводила одновременно в восторг и отчаяние.

ВЕНЧАНИЕ АНТИЧНОЙ КРАСОТОЙ

Такой же величественной мощью веяло и от двадцатитрехметровой высоты колоннады храма Зевса в Киликии, в месте Узунджабурж, когда-то носившем имя Диокесария. Среди роскошных, с каннелюрами, колонн, кое-где сохранившихся пышные коринфские капители, сохранился портал с аркой входа, но уже христианского храма, напоминая об указе вступившего на престол в 392 году императора Феодосия Великого, издавшего запрещение служения в языческих храмах, гладиаторские игры, закрывшего Афинскую академию, где до этого учились Василий Великий, Григорий Богослов и Юлиан Отступник — император-мечтатель, попытавшийся силой восстановить античные времена, вернуться в кажущееся счастливым детство и погибший в бою с персами от своих же. Он не понял,

Пергам, храм Диониса.

Пергам, храм Траяна.

что мертвое не оживить. Старые боги ушли, и навсегда. Не надо думать, что все произошло вдруг, сразу, что взяли и стали верить иначе. Еще прошло 60 лет после Миланского эдикта от 319 года императоров Константина и Лициния, где провозглашалось равенство вероисповедания христианского с римским обрядом почитания богов. Были еще яростные споры на Вселенских соборах о догмате церкви, о Троице, о Воплощении Иисуса, О Богородице, почитании икон, была кровь, были ссылки и казни. Нам нелегко понять с высоты нашего многознания причин таких страстей о вроде бы месте буквы или значении слова, но именно так отчеканивались слова символа веры, потому что вопрос стоял о душе и здесь компромиссов не было. Святые отцы в этом вопросе отвечали как за свое поколение, так и за наше, да и за последующие, что будут после нас. Античная красота на востоке Римской империи, никогда не умиравшая, как это случилось на ее западе, где варварство уничтожило последние следы римской культуры, напротив, вошла в христианство, очистившись от безверия и цинизма последних столетий. Воздвигались храмы, где за основу взят был тип базилики (общественные здания). Так стал церковью, посвященной Богородице, знаменитый афинский Парфенон и был ею 1000 лет вплоть до турецкого завоевания в 1458 году, став после этого мечетью и разрушенный в 1678 году венецианскими снарядами. Сооружался грандиозный ипподром на 150 000 зрителей в Константинополе, увенчивались огромными конными статуями императоров колонны до 45 метров высотой, мозаики покрывали полы и стены дворцов и храмов, строившихся по всей империи, арки и портики из мрамора украшали улицы городов, окружаемых стенами из плинфы и мрамора, что делало их не только нарядными, но и более устойчивыми к нередким землетрясениям. Продолжали работать водопроводы и

бани, звучали на церемониях органы, появившиеся позднее и на западе. Витражи украшали окна храмов и дворцов, цирковые и музыкальные представления развлекали публику, собиравшуюся на ипподроме и объединявшуюся в организации болельщиков, со временем превратившиеся в политические партии и ставшие бичом общественной жизни империи. И это, между прочим, урок для нас. Церковные вопросы обсуждались на улицах городов с жаром еще юной веры, бескомпромиссно и твердо. А в богословии разбирались все, от ремесленника до императора, созывавшего Соборы для решения догматических споров.

«ЛЮБОВЬ НИКОГДА НЕ ПЕРЕСТАЕТ...»

Нет, не темным и не мрачным было средневековье для Византии. Оно было наполненным живой гармонией Великой Церкви св. Софии, как называли ее в Константинополе, грандиозных храмов в Эфесе, достигавших стометровой длины, по одному из которых я бродил среди остатков стен из красной плинфы, между мраморных блоков, на фоне белизны которых как капли крови мучеников адели цветы в контрасте с зеленью трав. Здесь в 449 году состоялся III Вселенский собор, решавший догмат о природе Божественного воплощения, исправляя постановления другого, «разбойничьего» или «отступнического» собора, так же происходившего здесь в 431 году. Огромная водосвятная чаша из мрамора все еще стояла в центре храма. Обломки резного фриза, восстановленная алтарная преграда, кресты мраморного баптистерия. Не было ни крыши, ни куполов. Только синева неба, как цвет одеяния Богородицы, которой посвящен был этот храм, да стрекот цикад продолжал свою нескончаемую службу Создателю. И вспомнилось, что в этом городе звучали слова, произносимые невы-

соким, лысым человеком. Он говорил убежденно и страстно. Его нельзя было не услышать, и не было среди людей, ему внимавших, равнодушных к этим речам. Многие были в ярости и хотели убить его, но были также слушавшие и услышавшие. Он говорил слова о любви, каких никто больше не смог сказать за всю историю человечества: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая или кимвал звучащий. Если я имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а любви не имею — то я ничто. И если отдам все имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...» С ними, этими словами, закончилась история античности. Этот человек был Павел, за несколько лет до этого бывший Савлом, гнавший и преследовавший христиан с такою же страстью, с какой ныне нес весть о воскресшем Христе людям. Благодаря ему явилось новое слово — христиане, и возникла новая цивилизация, жертвенно напитавшая собой весь мир. Жертвенно помимо всего еще и потому, что оклеветанная и ограбленная латинским западом в 1204 году, она дала толчок такому явлению, как Возрождение. Это ее художники и богословы создали православный мир, и великая идея Третьего Рима пришла на Русь, как и преображенная античность.

Фото автора.